

Г. Г. ЛИТАВРИН

ВОССТАНИЕ БОЛГАР И ВЛАХОВ В ФЕССАЛИИ В 1066 г.

В исторической литературе до сих пор не уделялось достаточного внимания чрезвычайно интересному движению фессалийских болгар и влахов в 1066 г. Ни единого слова не сказано о восстании 1066 г. и в последнем обобщающем труде советских ученых по истории Болгарии (История Болгарии, т. I. М., 1954). В I томе „История на България“ — коллективном труде болгарских историков — об этом движении имеется лишь краткое сообщение¹. На наш взгляд, восстание 1066 г. заслуживает серьезного внимания. Изучение этого восстания позволит лучше понять вопрос о взаимоотношениях болгар и влахов в XI—XII вв. — в период византийского господства в Болгарии, а также поможет решению важной проблемы о взаимоотношениях славянского населения, населявшего территории, входившие в состав Первого и Второго Болгарского царства, со славянским населением более южных областей полуострова, на которые не распространялась сколько-нибудь длительное время власть болгарских царей.

Как известно, основным и единственным источником для изучения этого интересного события является „Стратегикон“ Кекавмена, изданный в конце прошлого века В. Г. Васильевским и В. Ернштедтом². В. Г. Васильевский, сделавший комментированный перевод этого памятника на русский язык, был первым исследователем, коснувшимся вопроса о взаимоотношениях болгар и влахов в период византийского ига в Болгарии³. Однако в своем мастерском исследовании он в основном занимается вопросами источниковедения и проблемой происхождения влахов.

Вопрос о восстании и о взаимоотношениях болгар и влахов Фессалии с населением Болгарии, к сожалению, не нашел достаточного освещения в работе В. Г. Васильевского, который, впрочем, и не ставил перед собой этой задачи.

Впоследствии в болгарской и румынской буржуазной историографии проблема взаимоотношений болгар и влахов в XI—XIII вв. ставилась не раз⁴, но решалась она со столь откровенно националистических позиций, обусловленных характером политических отношений Болгарии и

¹ История на България, т. 1. София, 1954, стр. 159.

² *Sescaumeni Strategicon et incerti scriptoris De officiis regis libellus, ediderunt W. Wasiliewsky, V. Iernstedt accedit exemplum codicis phototypicum. Petropoli Typos Academiae Caesareae scientiarum.* Записки историко-филологического факультета Имп. СПб-ского Ун-та, ч. XXXVIII. СПб., 1896.

³ В. Г. Васильевский. Советы и рассказы византийского боярина XI века. ЖМНП, ч. 215. СПб., 1881; Продолжение: ЖМНП, ч. 216. СПб., 1881.

⁴ См., например, П. Мутафчиев. Към вопроса на българо-румънските отношения в средните векове. Годишник на Софийския Ун-тет, истор.-филол. фак., кн.

Румынии в первой трети XX в., что едва ли было бы верным приводить здесь высказывавшиеся при этом точки зрения, как правило, взаимоисключающие друг друга.

Кекавмен, автор сочинения „Стратегикон“, рассказывает о восстании 1066 г., руководителем которого против своей воли оказался один из его дальних родственников, в целях назидания своим детям. Он предпосылает рассказу обращение к детям с советом в случае мятежа держать только сторону императора, даже тогда, когда „все кругом“ охвачено восстанием⁵. Заканчивает свой рассказ Кекавмен подобным же увещанием: все, кто поднимал восстания против императора, пишет он, погибли.

Восстание 1066 г. началось в городе Лариссе и его окрестностях. Согласно Кекавмену, его предки: дед по матери болгарин Димитрий Полемарх⁶ и дед по отцу Кекавмен⁷ были правителями этого города (или даже всей Эллады) и сами жили в нем. Правителем Лариссы был и дед „предводителя“ восставших Никулицы Делфина болгарин Никулица⁸. Причем, как дед Кекавмена Димитрий, так и дед Никулицы Делфина Никулица перешли на службу к Василию II во время войн Византии с Болгарией, предав тем самым дело независимости своего народа в один из самых драматических моментов его истории⁹. Сам автор

XXVIII, 5. София, 1932; Его же. Владетелите на Просек. Сборник на Българската Академия на Науките, кн. 1. София, 1913; Его же. Произходът на Асеновци. Македонски преглед, год IV, кн. 4. София, 1928; P. Mutaftschieff. Der Byzantinismus in der mittelalterischen Bulgarien. BZ. Bd. 30, 1929/1930; N. Jorga. Histoire de la vie Byzantine Empire et civilisation. Bucarest, 1934; N. Bănescu. La question du Paristrion ou conclusion d'un long débat. Byz., VIII, fasc. I, 1933; N. Bănescu. Fantasies et réalités historiques. Byz., XIII, fasc. I, 1938.

⁵ Strategicon, p. 64.

⁶ Ibid., p. 29.

⁷ Ibid., p. 65.

⁸ Ibid., p. 66; De officiis..., p. 96.

⁹ Впервые, вопросом о степени родства Кекавмена, автора „Стратегикона“, и Никулицы Делфина, так же, как вопросом об отношении первого к известному византийскому полководцу третьей четверти XI в. — Катакалону Кекавмену, занимался В. Г. Васильевский (см. „Советы и рассказы“...). Он же пытался выяснить вопрос и об авторе анонимного „Слова об обязанностях царя“, примыкающего в рукописи к „Стратегикону“ Кекавмена и местами поразительно близкого ему по сюжету и манере изложения. Вывод В. Г. Васильевского о том, что автор „Стратегикона“ в лучшем случае может быть лишь дальним родственником известного полководца и что авторство „Слова“ скорее всего принадлежит самому Никулице Делфину (Ук. соч., стр. 249. — ЖМНП, ч. 215 и стр. 121. — ЖМНП, ч. 216; стр. 326. — ЖМНП, ч. 216), возглавлявшему восстание 1066 г., нам представляется до сих пор не поколебленным. В 30-х годах XX в. эти вопросы были снова подняты румынским историком Н. Банеску (N. Bănescu. A propos de Kekaumenos. Byz., XIII, fasc. I, 1938), сличившим тексты обоих сочинений. Банеску отметил большое сходство и в манере письма, и в лексике их авторов и склонялся к выводу, что оба сочинения написаны одним лицом. Английский историк Баkler, возражая Банеску по ряду вопросов, считала этот его вывод верным (G. Buckler. Can Cecaumenus be the Author of the Strategicon? Byz., XIII, fasc. I, 1938). Что касается вывода Банеску о сходстве стиля и лексики обоих памятников, то мы считаем возможным подкрепить этот вывод еще рядом соображений. Близость этих памятников обнаруживается не только в буквальных совпадениях некоторых выражений, но и в тождестве взглядов обоих авторов на такие вопросы, как восстания против императора, средства к их предотвращению, налоговая политика и отношение к войску. (См. Strategicon, p. 18, 39, 61, 70; „Слово“, стр. 93, 94, 97, 98). Следует обратить внимание на замечание Кекавмена, что, несмотря на столь большую услугу Никулицы Делфина Константину X Дуке, как прекращение восстания 1066 г., Никулица был сослан в Армениакский округ, откуда написал письмо отцу автора „Стратегикона“ и в этом письме описал свою жизнь (Strategicon, p. 72), и на одну из первых фраз анонимного „Слова“, в которой автор говорит, обращаясь к императору, что, прежде чем „впасть в гнев“ на какого-либо архонта в результате „навета“ на него, как на мятежника, нужно тщательно исследо-

„Стратегикона“ Кекавмен также жил в Лариссе, занимая в Элладе какую-то высокую административную должность¹⁰.

Никулица Делфин, будущий „предводитель“ восставших, был одним из крупнейших местных феодалов, пользовавшийся в своей области, а может быть, и во всей Элладе, большим влиянием; он имел даже, как сообщает Кекавмен, собственный вооруженный отряд, крепость, и „страна повиновалась ему во всем, что бы он ни приказал“¹¹. В силу неизвестных нам причин, он потерял бывшее расположение к себе царствовавшего тогда Константина X Дуки и редко бывал при дворе. Очевидно, в начале 1066 г.¹², добившись приема у императора, Никулица сообщил ему о подготавливавшемся болгарами и влахами Эллады восстании, специально для этого приехав в Константинополь¹³. Никулица советовал принять немедленные меры против болгар и влахов, но император остался глух к предостережениям Никулицы, и тот вернулся в Лариссу, ничего не добившись¹⁴.

Трудно судить, почему император не принял во внимание сообщение Никулицы, так как восстание болгар и влахов действительно не замедлило вспыхнуть¹⁵. Очевидно, император имел основания не доверять впадшему в немилость вельможе, стремившемуся любыми средствами вернуть себе его расположение.

О причинах вспыхнувшего в Фессалии восстания Кекавмен сообщает вполне определенно — непосредственной причиной восстания было новое значительное повышение налогов на болгарское и валахское население Эллады. Время царствования Константина X Дуки было ознаменовано значительным повышением государственных налогов в Византии вообще, а на иноплеменное население завоеванных империей территорий — в особенности. В другой связи мы уже пытались показать разницу в налоговой политике византийского правительства по отношению к греческому населению империи и по отношению к населению завоеванных территорий и стран, в частности по отношению к населению Болгарии¹⁶. Свидетельства Кекавмена дают основания сделать вывод о том, что подобная разница в налоговой политике имела место и на

вать истинность обвинения (De officiis, p. 94). Вероятно, именно это, упомянутое выше письмо Никулицы Делфина с описанием его жизни, адресованное отцу Кекавмена, и послужило материалом последнему к его изложению в „Стратегиконе“ событий в Фессалии в 1066 г., что и объясняет сходство в языке обоих памятников. Что же касается всего „Слова“, то мы считаем верным вывод В. Г. Васильевского о его принадлежности перу самого Никулицы Делфина. Именно на несправедливое, на его взгляд, наказание его (Никулицы) императором в результате восстания 1066 г. намекает Никулица, когда говорит о „навете“ на архонта; именно свой опыт, приобретенный им в событиях 1066 г., он имеет в виду в своих советах императору в „Слове“. Если это так, то любопытно, что Никулица еще в 1041 г. принимал участие в подавлении восстания Петра Деляна (De officiis. . . p. 97).

¹⁰ Strategicon, p. 60.

¹¹ Strategicon, p. 68.

¹² Дата поездки Никулицы в Константинополь и дата самого восстания определяются главным образом на основании сообщения Кекавмена (Strategicon, p. 67) о том, что перед самым началом восстания — в мае, 4-го индикта, в царствование Константина Дуки, появилась комета. 4-й индикт при Константине X был только один раз — в 1065 г. (См. В. Г. Васильевский. Советы и рассказы. . . ЖМНП, ч. 215, стр. 128).

¹³ Strategicon, p. 66.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Если Никулица предлагал для предотвращения восстания отменить налоговые надбавки, как он это делал в ходе восстания, то его неудача у Константина X могла бы найти объяснение.

¹⁶ См. Г. Г. Литаврин. Налоговая политика византийского правительства в Болгарии (1018—1185). ВВ, т. X.

территории Греции со смешанным греческим, славянским и валашским населением. Обещая императору ликвидировать восстание („мятеж“), Никулица Делфин пишет, что это возможно только в том случае, если император послушает Никулицу и отменит увеличение налогов на болгар и влахов и дознания о размерах их имущества. „А ведь было сделано, — добавляет Никулица, — увеличение налогов во много номисм¹⁷. Следовательно, налоги были увеличены в Фессалии и, очевидно, в других областях прежде всего на болгар и влахов, т. е. для иноплеменного подвластного Византии населения.

Вернувшийся из Константинополя Никулица с помощью своих согладатаев узнал более подробно о готовящемся восстании и снова сообщил об этом в письме императору, но не получил от него ответа¹⁸. Вначале он решил сам схватить „зачинщиков“, но после зрелого размышления отказался от этой мысли, так как боялся, что восстанут „товарищи их“. „Ведь они (болгары. — Г. Л.), — замечает Кекавмен, — заключили союз с влахами и триккалитами“ и Никулица боялся, что они победят его и убьют¹⁹. Следует заметить, что, согласно этому сообщению, Никулица опасался выступления против него не только болгар Лариссы и влахов, но и жителей города Триккалы, в окрестностях которого Никулица имел богатые поместья²⁰. Никулица впредь ограничился, как пишет Кекавмен, надзором за их деятельностью²¹; но очень скоро против своей воли был вынужден принять в восстании непосредственное участие.

Руководители готовящихся восстать болгар и влахов принимают решение склонить Никулицу к выступлению вместе с ними. При этом ярко проявилась характерная для крестьянских средневековых восстаний черта — доверие восставших к представителям господствующего класса, находящимся в опале, стремление поставить во главе своих сил известного, знатного человека. Вероятно, имело значение и то, что Никулица обладал военным опытом, имел отряд собственных вооруженных людей и крепость. Может быть, известную роль играло также то обстоятельство, что Никулица был болгарин по происхождению. Несомненно также и то, что этот шаг восставших ни в коей степени не обуславливался боязнью их перед Никулицей и опасением его противодействия.

Как мы увидим в дальнейшем, восставшие в момент их выступления несколько не боялись Никулицы, чувствуя огромный перевес сил на своей стороне. Они готовы были расправиться с ним в случае его отказа предводительствовать ими, и он понимал, что его вооруженный отряд в этом случае — слабая защита.

С предложением возглавить восстание к Никулице явились от имени восставших бывший протоспафарий Иоанн Гримианит и Григорий Бамбака²². Вне всякого сомнения, эти люди были представителями по меньшей мере зажиточной прослойки среди восставших. Во всяком случае, известно, что бывший протоспафарий Иоанн Гримианит исполнял когда ту же должность, какую во время восстания занимал в Лариссе сам Никулица Делфин²³. Может быть, Никулица непосредственно и сменил его на этом посту.

¹⁷ Strategicon, p. 70.

¹⁸ Ibid., p. 67.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Anna. Alexias, vol. I. Bonnæ, 1834, p. 245; см. В. Г. Васильевский. Советы и рассказы. . . ЖМНП, ч. 216, стр. 131.

²¹ Strategicon, p. 68.

²² Ibidem.

²³ Ibidem.

Никулица ответил на их предложение довольно уклончиво²⁴. Однако на собрании руководителей восставших, состоявшемся на другой день в доме Боривоя Влаха, они приветствовали явившегося туда Никулицу уже как своего предводителя, называя его „отцом и повелителем“ (πατέρα καὶ αὐθέντην)²⁵.

Придя на это собрание, Никулица сделал попытку отговорить собравшихся от решения восстать. Кекавмен пересказывает весьма любопытную речь Никулицы, якобы произнесенную им на этом собрании.

Сильнейшим доводом Никулицы против восстания был следующий. Обращаясь к болгарам, он говорил: „...ведь уже июнь месяц; как бы мы стали жать хлеб, если бы случился бунт? Говорил он и влахам: Где теперь ваш скот и ваши жены? Те ответили: В горах Болгарии. [Таково ведь у них обыкновение, — замечает Кекавмен, — что скот и семьи их (влахов) от апреля месяца вплоть до сентября находятся на высоких горах и в самых прохладных местах]. Разве не разграбят его (скот), — продолжает Никулица, — тамошние жители, которые держат, без сомнения, сторону царя?“²⁶.

Безусловно, эта речь заслуживает самого серьезного внимания. Во-первых, она лишний раз подтверждает приведенное выше сообщение о союзе болгар Лариссы и ее окрестностей с влахами и жителями Триккал. Договоренность о совместном выступлении между болгарами и влахами, как можно видеть из этой речи, была достигнута еще до собрания в доме Боривоя Влаха²⁷. Во-вторых, эта речь позволяет судить о том, что болгары (жители Лариссы и ее окрестностей, а возможно и других областей Элады) — земледельцы. Основные средства существования они получали от занятия хлебопашеством, и Никулица старается запугать их тем, что в случае восстания они не уберут хлеб и тем самым обрекут себя и свои семьи на голод.

Влахи, напротив, — скотоводы; их семьи кочуют летом по горам Болгарии вместе со скотом, тогда как мужчины заняты, очевидно, другими хозяйственными летними работами на местах зимовок скота — у города Лариссы и вообще в Фессалии. Основным видом летних работ валашского мужского населения была, несомненно, подготовка к зимовке своего скота, прежде всего заготовка кормов — сена. Впрочем, возможно, что в какой-то мере они занимались и земледелием. В акте одного из афонских монастырей от 1094 г. говорится о мельнице и пахотных участках, сдаваемых в аренду „болгарам и влахам“ в зависимом от монастыря валашском „загоне“ в феме Моглен²⁸, небольшом поселении на месте ночевок скота и переработки продуктов животноводческого хозяйства. Какая-то часть влахов уже перешла к оседлому образу жизни, а наиболее состоятельные из них, как, например, Боривой Влах, живут даже в городе, имея в нем собственные дома.

Речь Никулицы была довольно искусна: он сумел заронить колебания и сомнения в участниках совещания. Чрезвычайно интересно то, что как первых — болгар, так и вторых — влахов Никулица устрашает не трудностями борьбы с регулярным войском и не возможной карой со стороны императора, а якобы неизбежными материальными потерями

²⁴ Strategicon, p. 68.

²⁵ Ibid., p. 68.

²⁶ Ibid., p. 68—69.

²⁷ В. Г. Васильевский (Советы и рассказы... ЖМНП, ч. 216, стр. 131) считает возможным говорить о том, что славянское имя влаха — Боривой указывает на славянские связи влахов, испытавших на себе влияние славянского населения.

²⁸ Lavra, I, p. 125—126.

в случае восстания. Болгары, как он говорит, не смогут убрать свой хлеб, а владыки потеряют свой скот. Никулица явно хотел посеять недоверие друг к другу в представителях обеих этнических группировок восставших, делая ставку на то, чтобы отколоть владых от болгар.

Он утверждал, что болгары горной Болгарии „держат сторону царя“ и предпримут враждебные действия против семей владых в случае восстания последних. Дальнейший ход событий опровергает это утверждение Никулицы, но знаменательна сама его попытка расколоть лагерь восставших, лишит болгар поддержки владых. Правда, Никулица говорил о „враждебности“ к владхам населения горной Болгарии, а не Фессалии. Но в правильности нашего заключения, что тем самым он пытался посеять рознь и между фессалийскими болгарами и владхами, убеждает нас следующее обстоятельство.

„Слушавшие Никулицу владыки, — рассказывает Кекавмен, — были убеждены его словами“ и разошлись²⁹. Но очень скоро — в тот же день — они снова пришли к Никулице — „все вместе — владыки и болгары, возбужденные жителями Лариссы... Ведь жители Лариссы, его сограждане, заявляли, что Никулица отговаривает от восстания лишь потому, что два его сына находятся в Константинополе и он боится за них“³⁰. Действительно, Никулица, как еще ранее сообщает Кекавмен, боялся, что в случае, если он будет замешан в восстании, пострадают живущие в Константинополе его сыновья и братья³¹. Но не только боязнь за близких определяла поведение Никулицы. Кекавмен говорит и о другом объяснении ларисскими стремления Никулицы добиться отсрочки восстания: „... он отговаривает (от восстания), — говорили они, — чтобы царь, узнав, схватил нас“³². Следовательно, маневр Никулицы был разгадан, его истинные намерения стали понятны и владхам. В результате доводов лариссцев они в тот же день изменили свое решение воздержаться от восстания, пришли к Никулице и силой принудили его стать во главе восстания, угрожая ему смертью в случае отказа³³.

Итак, болгарам не стоило особого труда убедить владых во вздорности утверждения Никулицы о „враждебности“ жителей горной Болгарии к владхам. Действительно, угроза была слишком серьезна для того, чтобы быть достаточных к тому доказательств владыки в течение нескольких часов могли избавиться от своих опасений. Без сомнения болгары — жители Лариссы — располагали этими доказательствами. Они убедили владых, что, в случае их совместного восстания, их семьям в горной Болгарии не угрожает никакая опасность, что жители ее — болгары — не настроены к ним враждебно. Это наводит на мысль о существовании между болгарами-ларисскими и болгарами горной Болгарии настолько тесных связей, что владыки быстро смогли убедиться в положительном отношении к ним болгар, живущих в горной Болгарии. Не следует забывать, что со времени восстания Петра Деляна, в котором вместе с населением Болгарии приняли активное участие жители Фессалии, прошло всего 25 лет. Все это и заставляет нас предполагать, что Никулица, стараясь внушить владхам недоверие к населению Болгарии, старался тем самым внушить им недоверие и к болгарам Фессалии.

²⁹ Strategicon, p. 69.

³⁰ Ibidem.

³¹ Ibid., p. 68.

³² Ibid., p. 69.

³³ Ibidem.

Сообщения Кекавмена позволяют составить довольно отчетливое представление о социальном составе участников восстания. Как болгары — жители Лариссы, Триккал, Фарсала и их окрестностей, так и скотоводы-влахи являлись свободным населением, обязанным налогами и военной службой в пользу государства. Они и восстали против непосильного гнета государственных налогов. Говоря же о недовольстве большинства восставших заключением мира с императором, Кекавмен называет их „служащими царям против своей воли“³⁴.

Некоторые данные позволяют утверждать, что лагерь восставших в социальном отношении был неоднороден. Движение с самого начала пытались взять под свой контроль представители наиболее зажиточных кругов восставшего населения. Раскол между двумя социальными группировками наметился уже в самом начале. На совещании у Боривоя Влаха Никулице удалось убедить наиболее состоятельных лиц отложить восстание или же не начинать его вообще. Разумеется, на это совещание у влаха-горожанина были приглашены в первую очередь такие люди, как бывший протоспафарий Иоанн Гримиант и Григорий Бамбака. Но едва это решение „главарей“ стало известным большинству болгарского населения Лариссы и ее окрестностей, как оно было признано не соответствующим намерениям рядовых участников восстания. Можно с уверенностью говорить о том, что руководители восставших были принуждены к немедленному выступлению только под давлением снизу. В то время как наиболее состоятельная часть болгар и влахов готова была идти на соглашение с Никулицей, на отсрочку восстания или даже на отказ от мысли о нем вообще, основная масса восставших решительно выступала за немедленное восстание. Принужденный возглавить восстание, Никулица с самого начала помышлял лишь о том, чтобы не дать ему разгореться, ликвидировать восстание наиболее выгодным для себя образом.

Свидетельства Кекавмена позволяют утверждать, что основная подготовка к восстанию и выработка плана похода восставших были осуществлены еще до выбора Никулицы в предводители; что Никулица на первом этапе восстания вынужден был лишь выполнять план восставших, выработанный ими без его участия. О некоторых элементах организованности в восстании 1056 г. говорит следующее.

Во-первых, еще до открытого выступления, начавшегося в районе Лариссы, болгары этого города и его окрестностей заключили договор с влахами и с жителями города Триккалы³⁵, расположенного в 50—60 км от Лариссы, вверх по течению реки Пиния.

Во-вторых, весь ход восстания убеждает нас в том, что маршрут отрядов восставших от города Лариссы был определен заранее и имел целью увеличение их рядов и распространение района восстания прежде всего на те области Элады, которые были населены этнически близким к основной массе восставших населением — болгарами и влахами. Безусловно, болгары Лариссы имели тесные связи с населением этих районов, так как действительно с приходом туда восставших ряды их возросли в несколько раз. Причины этого, на наш взгляд, и заключаются как раз в том, что иноплеменное население Элады (болгары и влахи) более всего страдало от налогового гнета византийского государства и феодальной эксплуатации.

³⁴ Strategicon, p. 71.

³⁵ Ibid., p. 67.

Выступив из Лариссы в июне или начале июля 1066 г., отряды восставших двинулись к Фарсалу и реке Плирис³⁶. Смысл этого похода состоял в том, что Плирис, как пишет Кекавмен, — река, имеющая большую долину по обе стороны от себя; проходит она как раз по середине (мест поселения) вlahов, разделяя их на две части³⁷. Там восставшие расположились лагерем, и в течение нескольких дней в их лагерь стеклось множество болгар и вlahов из местного населения. Никулица собрал, пишет Кекавмен, „и болгар и вlahов, живущих там по соседству (с лагерем), и стеклось к нему большое войско“³⁸.

Итак, район восстания значительно расширился, охватив территорию трех городов: Триkkal, Лариссы и Фарсала. Когда силы восставших умножились, движение их отрядов получило новое и вполне определенное направление — на север, к границам Болгарии.

Прежде чем выступить в этом направлении всей массой, восставшие, послали один из своих отрядов взять и разрушить крепость Китрос³⁹, лежащую на побережье Эгейского моря, в 80 км к югу от Фессалоники. Крепость была взята и разрушена. Целью этого было, всего вероятнее, стремление восставших обезопасить свой правый фланг в движении на север.

Именно после этого, как сообщает Кекавмен, когда опасность восстания стала вполне очевидной для Константинополя, а следовательно и заслуга его ликвидации — более ценной, Никулица приступил к активному выполнению своего плана срыва дела восстания. Он отправляет императору письмо, которое мы уже цитировали выше, с обещанием ликвидировать восстание, если император сделает некоторые уступки восставшим. Никулица видит, что если не будут отменены сделанные на болгар и вlahов налоговые надбавки, то о прекращении восстания не может быть и речи, при всем его желании добиться этого.

Кекавмен не сообщает, было ли известно об этом письме Никулицы основной массе восставших. Но, судя по дальнейшим событиям, следует заключить, что Никулица сделал это втайне от рядовых участников восстания.

Еще до того как был получен ответ императора на письмо Никулицы, восставшие подступили к Сервии — довольно крупному, хорошо укрепленному городу на границе с Болгарией. Кекавмен отмечает, что взять этот город силой было трудно⁴⁰. Однако оставить в своем тылу враждебный город-крепость было бы для восставших слишком опасно. Никулица, с нетерпением ожидая ответа от императора, уже стремится избегать военных действий. Он приглашает жителей Сервии на переговоры. „Жители города, — пишет Кекавмен, — не хотели воевать с ним, и сам мятежник — воевать с ними“⁴¹. Они объявили ему о своей покорности („объявили себя рабами его“). Однако часть городского населения, враждебная восставшим, скоро взяла верх в городе.

Никулица, по словам Кекавмена, не хотел войны, но после этого „обозлился“, и на третий день взял город⁴². Едва ли, конечно, при-

³⁶ Strategicon, p. 70. Плирис — теперь *Μπλιούρης* (Блиурис) — древний Памиз. См. В. Г. Васильевский. Советы и рассказы... ЖМНП, ч. 215, стр. 140.

³⁷ Strategicon, p. 70.

³⁸ Ibidem.

³⁹ Ibidem. Крепость Китрос — древняя Пидна, теперь — Кидрос. См. В. Г. Васильевский. Советы и рассказы... ЖМНП, ч. 215, стр. 140.

⁴⁰ Strategicon, p. 70.

⁴¹ Ibidem.

⁴² Ibid., p. 71.

чина взятия города заключалась в том, что Никулица — „обозлился“. Всем восставшим должно было быть ясно, что для дальнейшего продвижения вперед нужно было взять этот город-крепость, враждебный восставшим. Воспрепятствовать этому стремлению восставших в данный момент Никулица, очевидно, был не в силах.

Как раз в это время пришел ответ императора на письмо Никулицы. Испуганный император писал, скрепляя клятвой свои обещания: „сколько я сделал (надбавок к налогам) от того дня, в какой начал царствовать, вплоть до сегодняшнего дня, я все отменю (прошу — *συμπάσῳ*), и не будет сослан (ни один) человек с твоей стороны или заключен в темницу, не будет взыскано за государственный или частный ущерб, но я все прошу со страхом божим“⁴³. Кроме того, император обещал за прекращение восстания различные чины и прислал собственную икону для принесения клятвы о взаимном соблюдении условий соглашения о мире⁴⁴. На этом сообщении следует, на наш взгляд, остановиться особо; обещать чины и награды император мог, без сомнения, не рядовым участникам восстания, рассчитывать на получение этих наград могли лишь наиболее видные лица из среды восставших — такие, как бывший протоспафарий Иоанн Гримианит, Григорий Бамбака и Боривой Влах.

Как было сказано выше, попытки Никулицы отговорить болгар и влахов от восстания, предпринятые им еще в Лариссе, едва не стоили ему жизни. Несмотря на наметившийся уже тогда раскол в лагере повстанцев, подавляющее большинство их в то время было полно решимости подняться на немедленное вооруженное восстание. Теперь же, после получения от императора письма с клятвенными заверениями не только в безнаказанности „мятежников“ и согласии на отмену налоговых надбавок, но и с обещаниями чинов и почестей, положение резко изменилось. Раскол в лагере восставших, углублению которого Никулица, несомненно, всячески способствовал во время всего похода, определился окончательно.

Никулица и его единомышленники были рады письму императора. Иначе отнеслись к нему рядовые болгары и вlahи. Кекавмен говорит об этом следующим образом: „Однако служащие царям против своей воли роптали; не справедливостью, а ложью дышали их речи и коварство притаилось на устах их; ведь они хотели чтобы не было заключено тогда мира, но чтобы убийствами и кровью христиан увлажнялась земля“⁴⁵. Никулица и его сторонники вначале испугались возмущения войска, но отступить было поздно; Никулица принял икону императора и „заключил мир“. Выйдя с иконой к войску повстанцев, Никулица потребовал от них клятвы в соблюдении мира. Но войско (*λαός*) ответило ему криком негодования, „как это в привычке, — замечает Кекавмен, — у неустроенного войска“⁴⁶. Тогда Никулица „приказал схватить у влахов избранного ими архонта Славоту Кармалака, а у ларисцев — Федора Скривону Петаста; все же остальные, видя их уводимыми на смерть, испугались и, бросившись к нему (Никулице), просили, чтобы он пощадил их, говоря: мы сделаем все, что бы ты ни приказал“⁴⁷.

Следует, во-первых, еще раз отметить, что в этом отрывке Кекавмен отождествляет лариссцев с болгарами. Во-вторых, эта фраза подтверждает лишний раз наш вывод о расколе в лагере восставших и о сплочении

⁴³ Strategicon, p. 70.

⁴⁴ Ibid., p. 71.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ Ibidem.

⁴⁷ Ibid., p. 71—72.

вокруг Никулицы группировки, всецело поддерживающей его план ликвидации восстания, особенно после получения от императора многообещающего письма и клятв. Именно представителям этой группировки мог Никулица отдать приказание схватить предводителей основной массы восставших болгар и влахов. Эти предводители были избраны ими из своей среды, в противовес Никулице, и его приближенным. Вполне вероятно, что эти люди были выбраны болгарами и влахами в ходе самого похода, когда рядовые участники стали все более и более подозревать Никулицу в предательстве. Об этих „архонтах“ Кекавмен нигде не упоминал ранее. Это — не те „заправилы“, которые вступили в переговоры с Никулицей до выступления в поход и участвовали в совещании у Боровоя Влаха. Эти „архонты“ — представители и доверенные лица рядовых участников восстания, не ожидающих себе милостей от императора, недовольных заключением мира, не верящих обещаниям императора и готовых продолжать борьбу.

Захватив их и даже приказав вести на казнь, если слова Кекавмена понимать буквально, Никулица рассчитывал обезглавить взявшихся за оружие простых земледельцев и скотоводов, запугать их своей готовностью вместе с поддерживавшей его группировкой помочь императору в борьбе с ними и, пользуясь их растерянностью, принудить их к миру. Расчет Никулицы оправдал себя. Сказалась вся неорганизованность, обычная для крестьянских восстаний, нерешительность и недостаточная сплоченность. Однако следует особо отметить, что, согласно приведенным нами выше сообщениям Кекавмена, восстание болгар и влахов 1066 года не носило царистского характера. Напротив, большинство восставших было не удовлетворено уступками императора и его клятвами и требовало продолжения борьбы. Если Никулице удалось добиться своей цели, то это объясняется тем, что он опирался на поддержку представителей наиболее состоятельных слоев среди восставших, решительно ставших на его сторону в самую критическую минуту. Не следует забывать также, что среди отрядов восставших находился отряд опытных, связанных с Никулицей личными отношениями воинов. Теперь, вместе с образовавшейся группировкой сторонников Никулицы, этот отряд мог стать заметной силой.

Итак, растерявшиеся повстанцы, чтобы спасти жизнь своим предводителям, подчинились Никулице и дали свое согласие на заключение мира. Конечно, едва ли дело обстояло столь просто. Но так или иначе Никулице удалось осуществить свой замысел ликвидации восстания, несмотря на то, что в этот момент восставшие добились наибольших успехов.

Помиловав схваченных, рассказывает далее Кекавмен, „и взяв наиболее видных влахов и лариссцев, Никулица отправился к катепану Болгарии Андронику Филокале, который прислал ему (Никулице) клятву царя“. Никулица нашел его в Петериске⁴⁸ „очень испуганного“, как говорит Кекавмен, так как Андроник не мог поверить, что Никулица „в действительности хотел мира“⁴⁹.

Вполне понятно недоверие Андроника Филокалы: район восстания значительно расширился, восставшие только что взяли и разрушили крепость Китрос и на третий день осады в их руках оказался крупный, хорошо укрепленный город Сервия; восставшие воодушевлены успехами, и основная их масса полна решимости продолжать борьбу, путь на

⁴⁸ Петериск — крепость у южных границ Болгарии. См. В. Златарски. История на Българската държава през средните векове, т. 1. София, 1934, стр. 105.

⁴⁹ Strategicon, p. 72.

север, в охваченную предгрозовым брожением Болгарию, населенную единоплеменниками основной массы восставших, был открыт. И в такой момент является предводитель восставших с предложениями мира. Конечно, Филокале было трудно поверить в искренность предложений Никулицы.

Сообщение Кекавмена о том, что катепан Болгарии Андроник Филокала, ожидавший результатов переговоров с Никулицей, „был очень испуган“, подводит нас к выводу по важнейшему вопросу о восстании 1066 г. в целом — каковы были цели похода восставших фессалийских болгар и влахов на север?

Как уже было сказано выше, у болгар-лариссцев имелись достаточные доказательства дружественного отношения к влахам населения горной (Юго-Западной) Болгарии. Маршрут восставших на юг, к городу Фарсалу, имел целью распространение района восстания на области, населенные единоплеменниками восставших (болгарами и влахами), и пополнение своих сил. Однако основным направлением движения восставших был поход на север. План похода в этом направлении был принят восставшими до их открытого выступления — когда основные силы еще оставались на юге, один отряд был послан взять крепость Китрос, которая могла угрожать правому флангу восставших при их движении на север. Именно на пути на север восставшие переходят к военным действиям, штурмом овладевая городом-препостью Сервия, расположенной у самых южных границ горной Болгарии. Не случайно то обстоятельство, что ответ императора на письмо Никулицы переслан ему не через правителя какой-либо из близлежащих к Фессалии фем (Никополя или Стримона, Фессалоники и Болерона), а катепану Болгарии, которому и было поручено императором вести переговоры с восставшими, а в случае их неудачи, несомненно, — принять меры к подавлению восстания вооруженной силой. Наконец, не следует упускать из виду то обстоятельство, что семьи и имущество значительной части восставших влахов находились во время восстания как раз в горной Болгарии. Катепан Болгарии выступил навстречу отрядам восставших из своей резиденции (Скопле) и достиг уже Петериска, расположенного на юго-западе от Островского озера (у южных границ Болгарии).

Все это вместе взятое дает нам право сделать вывод о том, что непосредственной целью движения восставших в 1066 г. в Фессалии болгар и влахов было объединение с угнетенным населением Болгарии для продолжения совместной борьбы против византийского господства. В том, что население Болгарии поддержит их, восставшие были уверены еще до своего выступления из Лариссы. Именно этим и был более всего испуган катепан Болгарии Андроник Филокала. Реальная опасность превращения Фессалийского восстания в общebolгарское народно-освободительное восстание обусловила то обстоятельство, что переговоры с восставшими, а в случае их неудачи — борьба с ними были поручены катепану Болгарии. В Константинополе, следовательно, вопрос о восстании фессалийских болгар и влахов ставился в тесную связь с вопросом о положении дел в самой Болгарии. Именно это и обусловило поспешную уступчивость императора в вопросе о налоговом обложении болгар и влахов Фессалии.

Восстание 1066 г. следует, на наш взгляд, рассматривать не как изолированный эпизод классовой борьбы болгарского и валахского населения в Элладе, а как движение, тесно связанное с народно-освободительным и антифеодальным движением томящегося под византийским игом населения Болгарии.

В народной памяти были еще живы воспоминания о совместной борьбе с иноземными угнетателями в период восстания 1040—1041 гг., т. е. всего за четверть века до 1066 г., когда под руководством Петра Деляна сплотились в общей борьбе не только различные народы самой Болгарии, но и болгары и влахи Фессалии и частично даже греческое угнетенное население.

Если тогда Фессалия оказалась охваченной пожаром восстания в результате прихода отрядов восставших с севера, то теперь инициатива восстания исходила с юга и грозила распространением на север.

Можно с полным к тому основанием назвать восстание болгар и владхов Фессалии в 1066 г. предвестником нового крупного болгарского народного восстания, вспыхнувшего в 1072 г., т. е. через шесть лет, и охватившего прежде всего горные районы Юго-Западной Болгарии, с жителями которой, как мы предполагаем, у болгар Фессалии была постоянная связь.

В заключение, вопреки взглядам, высказывавшимся в довоенной как болгарской, так и румынской исторической литературе, обратим еще раз внимание на факт совместной борьбы болгар и владхов против византийского господства. Именно постоянная готовность владхов принять участие в болгарских восстаниях подчеркивается Кекавменом в его „Стратегиконе“. „... Если когда-либо в Болгарии случится восстание, — пишет он, — и влахи будут говорить, что они остаются друзьями... (местного правителя), не доверяй им“⁵⁰. Владхи, жестоко угнетаемые византийскими феодалами и византийским государством, выступали вместе с болгарам и сербам против иноземного господства и в восстании 1040 г., и в восстании 1072 г., и в восстании 1185 г., внося свой вклад в дело освобождения Болгарии от византийского ига.

---

⁵⁰ Strategicon, p. 75.